

Н. М. Ярмиш, доц.

Национальная юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого,
кафедра уголовного права,
ул. Пушкинская, 77, Харьков, 61024, Украина

К ВОПРОСУ О ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ ПРИ НАЛИЧИИ ОСОБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ НА СТОРОНЕ ПОТЕРПЕВШЕГО

Статья посвящена теоретическому вопросу, неоднозначно разрешаемому в науке уголовного права — проблеме причинной связи при наличии особых обстоятельств на стороне потерпевшего. Автором предпринята попытка обосновать наличие в подобных ситуациях причинной связи на базе философских представлений о так называемой “пусковой причинности” и доказать важность *практического решения* вопроса.

Ключевые слова: лавинные процессы, причина — реализатор, причинная связь, пусковая причинность, уголовная ответственность.

В науке уголовного права издавна существует проблема, которая именуется *причинная связь при наличии особых обстоятельств на стороне потерпевшего*. Имеются в виду случаи *гибели от волнения* людей с большим сердцем, смерти от легкого удара по голове человека, страдающего заболеванием мозга и тому подобные события.

Казалось бы, чисто теоретический, частный вопрос, нередко вызывающий трудности в **юридической практике**. А для **научного решения**, способного помочь практике, он требует привлечения данных, на первый взгляд, далеких от юриспруденции.

Названная проблема перекликается с философской проблемой, которую называют *пусковой причинностью*. Сориентировавшись в ней, можно выработать более четкие и обоснованные представления о роли *особых обстоятельств* и *причине тех изменений*, которые следуют за, казалось бы, несущественными воздействиями на столь ранимый человеческий организм.

Великий психолог и философ Л. С. Рубинштейн говорил (применительно к реакциям человека), что “эффект всякого внешнего воздействия зависит не только от тела, от которого это воздействие исходит, но и от того тела, которое этому воздействию подвергается. Внешние причины действуют через внутренние условия” [8,10]. Особые обстоятельства на стороне потерпевшего как раз выступают в качестве таких “внутренних условий”.

Проблема пусковой причинности, по-видимому, переросла из естественно научных в философскую. Неслучайно философы часто раскрывают ее суть на физических примерах. Более того, в философии она часто обозначается и как *проблема лавинных процессов*. Такое наименование говорит само за себя. Анализ философской литературы по этому вопросу навел нас на размышление о том, в самом ли деле то, что называют “пусковой причиной”, является *причиной* лавинного процесса, т. е. этим ли *порождаются* столь широко распространенные на всех уровнях организации материи явления? В этом, собственно, и заключается проблема.

В качестве проблемы лавинного процесса часто приводят тот, которому он и обязан своим названием, — снежную лавину, вызванную падением небольшого

камня. Всем известно, что лавина может обрушиться и от воздействия сильных звуковых колебаний — не зря в горах не рекомендуется кричать. Разъясняют, что процессами лавинного типа являются такие как цепная ядерная реакция, кристаллизация в перенасыщенных растворах, взрывы, молнии и т. п. Общее для всех этих процессов — они происходят в системах, пребывающих в состоянии *неустойчивого равновесия*. Применительно к таким системам говорят об *эффекте бабочки*, взмах крыла которой может привести к весьма значительным последствиям [13, 627].

У систем, находящихся в состоянии неустойчивости, высвобождающаяся энергия неизмеримо превышает энергию внешнего воздействия, которое вывело систему из состояния динамического равновесия. Фактор, способный легко нарушить это равновесие, далеко не всегда называют *пусковой причиной*. Его именуют еще *пусковым механизмом*, *пусковым (иногда спусковым) крючком*, *толчком*, *причиной-реализатором*.

Достаточно часто, особенно в учебной литературе, в качестве синонима всех этих обозначений употребляют слово *повод*. Думается, это не совсем удачно. Есть основания полагать, что слово *повод* уместно лишь для тех случаев, которые связаны с сознательным поведением человека, да и то не всегда. Дело в том, что иногда словом *повод* обозначают события, связанные с определенным поведением человека, которое не соответствует значению ни слова *повод*, ни слова *толчок*. Когда телесное повреждение, нанесенное преступником потерпевшему, называют *поводом* смерти последнего (при том, что причину видят в инфицировании раны) [5, 115], то *повод* звучит в таком контексте довольно неуместно: речь идет о телесном повреждении как *условии* смерти; то же можно сказать и о выражении: “изнасилование послужило *поводом* к заболеванию шизофренией” [7, 55].

Еще более неуместно, на наш взгляд, слово *повод* применительно к обвалу в горах или к выпадению осадка в перенасыщенных растворах. Тем более, что и в филологической литературе слово *повод* трактуется как “обстоятельство, используемое в качестве причины для объяснения чего-либо”. Дополняет *сказанное* и то, что близким по значению слову *повод* считается слово “предлог” — “Обстоятельство, которое выдвигается в качестве причины чего-либо, а в действительности же не является таковым” [10, 272]. Как видим, роднит слова *повод* и *предлог* то, что ими *обозначаются обстоятельства, которые выдаются за причину*, поскольку он очень на нее похож. О том, что имеются в виду определенные *поступки человека*, свидетельствует, на наш взгляд, сам способ изложения в словарях этих понятий — вовлечение в определение таких слов, как “используемое”, “выдвигаемое”. Видимо, не случайно, примеры для слова *повод* обычно все-таки из жизни общества. В учебниках по философии особенно часто фигурируют примеры использования слова *повод* для развязывания военных действий. Правда, их чаще используют философы, которые не разделяют мнения о том, что причина может быть “пусковой”. Напротив, они предупреждают, что нельзя путать причину и повод. То, что другие называют “пусковой *причиной*” для них *вовсе не причина*, а обстоятельство, которое не порождает следствие, а является всего лишь “механизмом”, “спусковым крючком”, приводящим причину в действие. Мы не сомневаемся в историческом факте, что убийство принца Фердинанда действительно было *поводом*, а *вовсе не причиной* Первой мировой войны. Но ведь *поводом* зачастую называют обе группы обстоятельств: и выступающие толчком к социальным событиям (войнам, восстаниям), и не имеющие отношения к явлениям общественного характера. При этом первые обстоятельства не признаются “решающими”, не считаются причинами, а вот вторые (которые все равно называют *поводом*), рассматривают в качестве входящих в структуру причины, “доводящими взаимодействие условий до меры причины” [9, 22]. Именно поэтому полагаем, что понятие *повод* безусловно нужно

Очень четкую позицию занимают в этом вопросе принципиальные сторонники “пусковой *причины*”; они последовательно придерживаются терминологии, не допускающей неопределенного толкования, и непоколебимо уверены в том, что “толчок”, а вовсе не внутренняя динамика самих систем, служит причиной лавинных процессов. Именно так освещает проблему В. Краевский. Он возражает против достаточно распространенного взгляда, будто “побуждающий фактор” лишь освобождает истинную причину, которой является накопленная потенциальная энергия. В. Краевский не сомневается в том, что неустойчивость систем, о которых идет речь в связи с пусковой причинностью, действительно придает энергетическое напряжение, возникающее в результате “нажима” со стороны системы на свои собственные элементы. Но причиной бурного процесса, приводящего к резким качественным изменениям этой системы, он обоснованно считает фактор, который разрушает преграду, блокирующую начало этого процесса. Этот фактор он предлагает именовать “причиной-реализатором”. Трудно не согласиться с утверждением В. Краевского о том, что когда при открытии шлюза обрушивается вода, то причиной этого является не то огромное внутреннее напряжение, под которым находится его масса, а устранение преграды, сдерживающей этот напор. В. Краевский обращает внимание, что именно “причина-реализатор” разрушает систему во всех случаях, когда в ней накоплена большая потенциальная энергия и требуется лишь небольшой внешний стимул, чтобы эту энергию освободить: “Так происходит, когда мы лишаем подпорки тяжесть, воспламеняем порох, включаем в сеть электроприбор (замыкаем контур, т. е. устраняем диэлектрик), катализируем химическую реакцию, возбуждаем мышцу и т. д.” [4, 110-114].

Ю. А. Жданов, как и В. Краевский, указывает на важную роль такого типа причинности в практической жизни. Он поясняет, что пусковая причинность “служит индикатором, вскрывающим неравновесность, потенциальное внутреннее беспокойство, конфликтность объекта как целого”. Это происходит в силу того, что пусковая причина “инициирует в объекте развертывание внутренних процессов, разрешает внутренние противоречия системы, и тем самым лишает объект видимой неподвижности” [3, 88].

Подводя итоги, считаем, что есть серьезные основания принять точку зрения теоретиков и практиков различных наук о том, что *несмотря на готовность систем, находящихся в состоянии неустойчивого равновесия к “пусковым реакциям”, причиной этих реакций все-таки выступает внешнее воздействие*. Это тем более справедливо для живых организмов — открытых целостных систем, находящихся в состоянии подвижного равновесия с окружающей средой, которое делает их “структурно неустойчивыми, а потому чувствительными к малейшим раздражениям” [15, 38]. Нельзя не согласиться и с тем, что *в органических системах “всякое воздействие приводит к своеобразной цепной реакции”* [14, 16]. Думается, есть основания признать, что *причиной такой “цепной реакции” при соответствующих условиях, в том числе при патологических процессах, может служить и слабый внешний “толчок”*.

1. Юристам совершенно необходимо выработать в этом вопросе свой и единый подход. Именно от него зависит решение хорошо известной специалистам по уголовному праву проблемы причинной связи при особых обстоятельствах на стороне потерпевшего. Разногласия здесь недопустимы, поскольку от точки зрения правоприменителя зависят человеческие судьбы.

2. Вот несколько рекомендаций: для нас неприемлема позиция тех правоведов, которые считают, что когда процесс приобретает лавинный характер, то “несоразмерно большие следствия” порождает вовсе не “спусковой механизм”,

поскольку “основная причина лежит внутри организма человека”. В подобных случаях якобы создается лишь видимость причинности, причинения [12, 121]. Заметим, что слово “основная” в сочетании с “причиной” свидетельствует о некоторой нечеткости позиции цитируемого автора. Выходит, что “спусковой механизм”, “толчок”, хоть и не “основная”, но все-таки причина. А значит — порождение ею гибели человека вовсе не такая уж “видимость”.

Продемонстрируем на примере, какие юридические последствия повлечет за собой признание того, что толчок якобы *нельзя* считать “малой причиной большого следствия”. Для лица, применяющего закон, это будет означать следующее. Легкий удар человека по голове, в том случае, если в организме последнего идет патологический процесс, в силу которого он буквально находится “одной ногой в могиле”, *нельзя будет признать причиной смерти*. Причиной ее при таком подходе является неустойчивое динамическое равновесие, внутреннее напряжение, в котором пребывал организм жертвы, — балансирование между жизнью и смертью. Но если причиной смерти в такой ситуации является вовсе не удар, то *налицо отсутствие объективной стороны преступления, а значит и преступления как такового*. Поскольку *субъективная* сторона — это определенное отношение к признакам *объективной* стороны, а последней здесь якобы нет, то о вине лица вопрос в подобных случаях и поднимать нет смысла. Вывод из этого возможен только один: уголовной ответственности не понесет даже тот, кто, зная, о критическом, “неустойчивом”, состоянии другого, воспользовался этим, и нанес больному человеку незначительный удар специально, чтобы тот умер. Несправедливость такого решения очевидна.

3. Наша точка зрения обусловлена вовсе не тем, что *такой подход неприемлем для уголовного права. Мы ни в коем случае не подгоняем философскую концепцию под интересы справедливости*. Наоборот, представление о справедливом решении вопроса в подобных случаях, а именно о *привлечении к уголовной ответственности* лица, воспользовавшегося болезнью другого для его “хитроумного” умерщвления, основано на уверенности в том, что такие действия объективно есть *причина* смерти. А эта уверенность базируется на аргументированных положениях, почерпнутых их философских источников.

4. Итак, по нашему мнению, “толчок” является *причиной последующих изменений объекта, находящегося в состоянии неустойчивого равновесия*. Специфика “причины-толчка” состоит в том, что в чисто физическом плане энергетика этого воздействия значительно превышает по своим масштабам энергию, приводимую толчком в движение.

5. Само собой разумеется, что ответственность за вред, причиненный при наличии особых обстоятельств на стороне потерпевшего возможна лишь при условии, что имеют место все остальные признаки состава преступления, в том числе и субъективная сторона — осознание этих особых обстоятельств лицом, причинившим потерпевшему вред.

6. Конечно, наши *прежде всего теоретические выводы будут подтверждаться и углубляться юристами-практиками* при более детальном ознакомлении с большим количеством примеров подобных ситуаций, и, соответственно, впоследствии более активно учитываться в юридических выводах практически.

Литература

1. Векуа Г. Е. Проблема причинности в философии и медицине: Автореф. дис... д-ра филос. наук. — Тбилиси, 1974. — 47 с.
2. Воронков С. С. О соотношении количественных определенностей причины и следствия //Философские науки. — 1976. — №6. — С. 129-132.
3. Жданов Ю. А. Пусковая причинность //Вопросы философии. — 1976. — №6. — С. 87 — 92.

4. Краевский В. Пять понятий причинной связи // *Вопросы философии*. — 1966. — №7. — С. 108-115.
5. Матишевський П. С. Кримінальне право України: Загальна частина: Підручник для студентів юридичних вузів і факультетів. — К., 2001. — 352 с.
6. Некрасов А. И. Особенности проявления транзитивности причинных связей исторических событий // *Философские проблемы современного естествознания. Республ. научн. сб. Вып. 67*. — К.: Изд-во при Киевском ун-те, 1988. — С. 96- 103.
7. Палиашвили А. Установление причинной связи в заключении эксперта // *Социалистическая законность*. — 1967. — №6. С. 54 — 55.
8. Рубинштейн С. Л. Бытие и познание. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — 328 с.
9. Селиванов Ф. А. В мире причин и следствий // *Философия и жизнь*, 1991. — №11. — С. 6 — 32.
10. Словарь синонимов русского языка в 2-х т.: Гл. ред. А. П. Евгеньева. — Т. 2. — Л.: Наука, 1971. — 856 с.
11. Солохин А. А., Свешников В. А., Дедюева Е. Ю., Сахно А. В. Причинно следственные связи в судебно-медицинской экспертизе и их логический анализ: Учебное пособие. — М.: ЦОЛИУВ, 1986. — 24 с.
12. Тимейко Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. — Ростов-на-Дону, Изд-во РГУ, 1977. — 215 с.
13. Философия: Учебник для высшей школы / Андрущенко В. П., Волович В. И., Горлач Н. И. и др. / Под общ. ред. В. П. Андрущенко, Н. И. Горлача, В. К. Рыбалко. — Киев — Харьков, 1998. — 640 с.
14. Фролов И. Т. Очерки методологии биологического исследования. — М.: Мысль, 1965. — 286 с.
15. Шевякова Е. В. Устойчивость и неустойчивость в природных и социальных системах: Дис...канд. филос. наук. — М.: 1995. — 149 с.

Н. М. Ярмиш, доц.

Національна юридична академія України ім. Ярослава Мудрого,
кафедра кримінального права,
вул. Пушкінська, 77, Харків, 61024, Україна

ДО ПИТАННЯ ПРО ПРИЧИННИЙ ЗВ'ЯЗОК ПРИ НАЯВНОСТІ ОСОБЛИВИХ ОБСТАВИН З БОКУ ПОТЕРПІЛОГО

РЕЗЮМЕ

Вважаємо, що юристам безперечно необхідно теоретично глибоко відпрацювати, уточнювати свій, специфічно юридичний підхід до проблеми причинного зв'язку при наявності особливих обставин з боку потерпілого, створювати базу даних з практики для теоретичних узагальнень. Практично від того залежить можливість / неможливість притягнення до кримінальної відповідальності виправдання у конкретних кримінальних справах, а значить — доля окремої людини.

Ключові слова: лавинні процеси, причина-реалізатор, причинний зв'язок, пускова причинність, кримінальна відповідальність.